

— Мы ведь познакомились с родителями, подписали брачный договор! С какой стати мне нельзя... — Голос Му Сюня резко оборвался.

Он ощутил сквозь плотную ткань пиджака, как мелко дрожит юноша в его руках. Ослабив хватку, Му Сюнь опустил голову.

Шэн Юань сильно закусил нижнюю губу, пытаясь сдержать эмоции. Он выглядел по-настоящему испуганным: ресницы судорожно подрагивали, а проступившая на прикушенной коже капля крови лишь сильнее подчеркивала мертвенную бледность лица.

Му Сюнь с трудом сглотнул. Лишь заметив, как в глазах Шэн Юаня заблестели слезы, он наконец разжал пальцы, до боли сжимавшие его талию.

Шэн Юань долго не мог заговорить. Когда он наконец выдал из себя слова, его тихий голос прозвучал как тающий в ночном воздухе туман.

— Нет никакой стати... ничего нет... — Шэн Юань слабо оттолкнул Му Сюня. Его плечи подрагивали. — Я просто не люблю тебя. Точно так же, как и ты меня.

— Я...

Сорвавшийся с губ полувздых Му Сюнь тут же оборвал. Он ведь действительно сам когда-то швырнул ему эти слова в лицо. Он не любил Шэн Юаня, и отрицать это теперь было глупо.

Му Сюнь и сам понимал, насколько ненормально ведет себя сегодня. Его душила безотчетная, злая досада. Отпустив Шэн Юаня, он отошел к краю террасы под порывы холодного ветра.

Му Сюнь глубоко вдыхал сырой ночной воздух, позволяя ветру выветрить из головы остатки хмеля. Рассудок медленно возвращался. Вспомнив, что только что натворил, он почувствовал острое желание вlepить самому себе пощечину.

Он — Му Сюнь, наследник могущественного клана Му. За его спиной стоит великая семья, залог его безбедного и блистательного будущего.

А кто такой Шэн Юань? Всего лишь жалкий бастард из захудалого, разваливающегося семейства.

Да и если забыть о статусе... как он вообще мог покуситься на калеку? На глухого?

Гордость не позволяла ему даже допустить подобную мысль.

Из-за плотно закрытых белых дверей в конце просторной галереи доносились приглушенные звуки классической музыки. Играли «Июнь» Чайковского — его убаюкивающую «Баркаролу». Под этот мерный, покачивающийся ритм все грязные тайны и сомнения нынешней бессонной ночи медленно, словно на веслах, прибывало к темному берегу реальности.

Шэн Юань с силой тер рукавом щеку и мочку уха. Везде, где его коснулись губы Му Сюня, кожа горела, будто оскверненная грязью.

Когда он наконец поднял голову, буря в душе улеглась. Словно по некому уговору, они с Му Сюнем решили вычеркнуть из памяти события последних минут.

Не задерживаясь ни на секунду, Шэн Юань пошел прочь. Он уже почти миновал Му Сюня, когда тот резко схватил его за запястье.

— Пусть тебя отвезет мой водитель, — глухо бросил Му Сюнь.

— Я доберусь сам, — Шэн Юань ответил не оборачиваясь.

— Уже поздно. Здесь ты машину не поймашь.

— Я сказал: я доберусь сам.

Му Сюнь никогда не отличался кротким нравом. На его лице заиграли желваки, но он сдержал вспышку гнева. Отводя взгляд, он покосился на стоявших у дверей швейцаров. Те усердно изображали глухонемых: один уставился в небо, другой — под ноги. Спектакль получался фальшивым до тошноты.

В конце концов Му Сюнь выпустил его тонкое худое запястье и раздраженно махнул рукой:

— Да катись ты. Больно надо мне с тобой возиться.

Вырвавшись, Шэн Юань почти побежал вниз по лестнице. Возле дверей казино он едва не сбил с ног даму в роскошном пунцовом платье.

Цзинь Лина испуганно прижала ладонь к груди:

— Боже, милый! Куда ты так торопишься?

Шэн Юаню было не до объяснений. Пробормотав на ходу извинения, он поспешил дальше, стремясь поскорее покинуть особняк.

И только когда под подошвами захлюпала сырая земля парка, а лицо овеял влажный прохладный ветер, Шэн Юань почувствовал, что наконец спустился с заоблачных высот чужого богатства на землю. В настоящий, осязаемый мир.

Здесь, внизу, было его истинное место.

В глубине сада вовсю шла подготовка к праздничному салюту. Сквозь слуховой аппарат Шэн Юаня то и дело прорывались взрывы чужого смеха и оживленные голоса гостей.

Его рюкзак и куртка остались в машине Му Сюня. Отыскав тихий безлюдный уголок, юноша уткнулся в экран телефона, отвечая на сообщения, и стал ждать, пока водитель придет открыть замок.

Под восторженный гул толпы в небо взмыли первые залпы. Шум нарастал, и Шэн Юань невольно оторвался от экрана. Загасив телефон, он поднял глаза к ночному куполу.

В темной вышине рассыпались мириады огненных созвездий. Они застывали на миг и беззвучно таяли.

Следом рванул новый залп — ослепительный, протяжный, словно росчерк молнии, раскроивший небосвод. Снаряд упрямо карабкался вверх и на самом пике разорвался роскошным бутоном. Толпа ахнула.

В зените распустилась исполинская роза молочно-белого цвета. На фоне глухой тьмы ее контуры казались хрупкими, полупрозрачными.

Сияние ширилось, лепестки медленно раскрывали свои объятия, а за ними тянулся изящный огненный шлейф — точь-в-точь колючий стебель.

Эта огненная лоза словно проросла из самой земли, обвила невидимую опору и расцвела над романтической усадьбой Цзыгэвэй, чтобы через секунду осыпаться на головы замороженных зрителей мириадами искр и бесследно исчезнуть в темноте.

В светлых глазах Шэн Юаня отразилось яркое зарево. Рука бессильно висела вдоль тела, а кончики пальцев легонько касались прижатого к ладони лепестка розы.

Он и сам не знал, зачем до сих пор хранит эту безделушку, которую ему никогда и никому не суждено подарить.

Заглядевшись на небо, он не заметил, как наступил на скользкий округлый булыжник. Нога

поехала вбок, земля ушла из-под ног, мир стремительно перевернулся...

Однако падения не случилось. Чьи-то сильные пальцы крепко перехватили его под локоть, не дав упасть. На мгновение Шэн Юань почувствовал себя перышком, которое подхватил внезапный порыв ветра, бережно опустив на землю.

Ошарашенный, с колотящимся сердцем, он стоял не шевелясь. Перед его глазами возникли безупречно начищенные черные туфли, а чуть выше — на открытом запястье незнакомца — отчетливо проступила крошечная, похожая на запекшуюся каплю крови родинка.

— Смотри под ноги.

Голос прозвучал сухо и отстраненно.

Чужая высокая тень полностью укрыла его от тусклого света. Но стоило Шэн Юаню поднять лицо, как мужчина отпустил его руку и зашагал прочь, оставив юноше лишь возможность проводить взглядом удаляющийся силуэт.

— Дядя... — тихо позвал Шэн Юань, прежде чем успел подумать.

Водитель уже предупредительно распахнул дверцу дорогого лимузина и замер в ожидании.

Услышав оклик, Му Сяодо помедлил секунду и обернулся.

Ночь была безлунной. Высокая, прямая фигура мужчины почти сливалась с темнотой, лишь полы его длинного пальто прямо вздымались под порывами ветра.

Собрав остатки мужества, Шэн Юань сделал шаг вперед. Каждая клеточка его тела была напряжена до предела.

Остановившись в нескольких шагах от мужчины, он судорожно глотнул сырого воздуха и тихо, запинаясь, выговорил:

— Подарок... Спасибо вам за подарок, дядя...

Му Сяодо стоял спиной к свету. Резкие, волевые черты его лица тонули во мраке, а голос, казалось, вобрал в себя всю тяжесть этой ночи:

— Понравился?

Шэн Юань крепче сжал лепесток в ладони и поспешно закивал:

— Да, очень.

— Вот и славно.

Сердце Шэн Юаня пропустило удар, а затем мелко, испуганно затрепетало, точно струна под чужой неаккуратной рукой.

Он не знал, что говорить дальше, и просто стоял столбом, уставившись на носки своих ботинок. В темной луже под ногами дрожало его собственное смутное отражение.

В глубине зрачков сквозило чувство, которого он сам в себе еще не знал.

Юноша был одет слишком легко. Он заметно вздрагивал от холода, хрупкий и беззащитный, как стебелек камыша под ливнем.

Му Сяодо легко снял свое тяжелое пальто, шагнул ближе и небрежно набросил ему на плечи:

— Ночи сейчас холодные. Накинь.

Шэн Юань ошеломленно посмотрел на тяжелую ткань, сохранившую живое тепло чужого тела. Сквозь сырой запах прибитой дождем пыли до него донесся едва уловимый, изысканный аромат дорогого парфюма — горьковатый привкус сандала и хвои.

Он приоткрыл рот, собираясь поблагодарить, но в ту же секунду дверца машины распахнулась шире, и в полумраке салона промелькнул подол роскошного шелкового платья, мягко облежавшего женский силуэт.

Сердце камнем рухнуло вниз, словно он сорвался в бездонную пропасть.

Тихое «спасибо» захлебнулось в рокоте заведенного мотора «Роллс-Ройса».

Автомобиль плавно тронулся с места. Темное стекло медленно поползло вверх, отсекая салон от внешнего мира. Мужчина, сидевший на заднем сиденье, безмолвно проезжал мимо — и навсегда уезжал из его жизни.

Черный лимузин растаял в темноте. Когда его габаритные огни окончательно погасли, Шэн Юань опустил голову и замер. Вся земля вокруг была усыпана лепестками роз — точно такими же, как тот, который он сжимал в руке. Одни сиротливо покачивались на грязной воде в лужах, другие были безжалостно раздавлены колесами и чужими подошвами, превратившись в кровавое месиво.

Юноша крепче прижал к себе чужое пальто.

Для Му Сяодо это, должно быть, был лишь минутный порыв — милосердие к продрогшему на ветру котенку. Он легко подарил ему каплю тепла, но на этом все и закончилось. Обычная вежливость светского человека, в которой не крылось ни капли личного интереса, ни намека на что-то большее.

Он никогда не узнает, что этот случайный жест оставил глубокий, неизгладимый след в чужой судьбе.

В эту волшебную ночь чужая безответная нежность и бессонница цвели в усадьбе Цзыгэвэй так же пышно, как и ее знаменитые розы.

В одной из уединенных спален усадьбы раздался тихий, истомленный стон, похожий на жалобный писк слепого котенка.

В комнате пахло терпким вином и разгоряченными телами. В густом полумраке алым угольком тлел огонек сигареты.

Зажав сигарету в зубах, Му Сюнь равнодушно разглядывал Лань Инь. Огонек подбирался к самому фильтру, ее дыхание становилось все тяжелее и неровнее.

В такие минуты обычно шепчут на ухо пошлые, ласковые глупости, но он упорно молчал.

В момент, когда оба они достигли пика, портьеры на окнах качнулись и приоткрылись.

Вспышки праздничного салюта ворвались в эркер, расчертив разноцветными полосами тени на паркете.

Задыхаясь, Лань Инь прильнула к плечу Му Сюня. Ее лицо пылало. Она робко заглянула ему в глаза и заметила, что его взгляд прикован к тому, что происходило внизу, на темной аллее парка. В зрачках Му Сюня застыло странное, тяжелое выражение.

— Что-то не так? — прошептала она пересохшими губами.

Му Сюнь не ответил.

Он отчетливо видел, как его дядя снял пальто и бережно укутал им озябшего Шэн Юаня.

А тот так и остался стоять на ветру, прижимая к груди чужую вещь...

— Ничего, — наконец глухо бросил он.

Резким движением Му Сюнь задернул тяжелые шторы, вновь погружая комнату во тьму. Наклонившись к Лань Инь, он грубо притянул ее к себе, выплескивая в новом порыве скопившуюся злость и раздражение.

Шэн Юань так и не выбросил тот лепесток.

Он бережно вложил его между страниц любимой книги. Несколько плотных листов бумаги навсегда похоронили и расплющили хрупкую тайну его юного сердца.

Время шло, старые воспоминания постепенно затирались новыми. Но долгими ночами, лежа в постели, Шэн Юань раз за разом возвращался мыслями к крошечной алой родинке на внутренней стороне чужого запястья.

Самое удивительное, что лицо Му Сяодо — такое волевое, с резкими, врезающимися в память чертами — стерлось из его памяти быстрее всего. Шэн Юаню так и не довелось рассмотреть его как следует. В его воображении этот человек остался полупрозрачным призраком, изящным наброском тушью, где темные мазки скрывали самое главное.

И лишь крошечная точка на запястье горела ярким пламенем — точно капля киновари, случайно упавшая на готовый свиток.

Эта алая родинка прожгла в его темных, безмолвных ночах глубокую незаживающую рану.

<http://bllate.org/book/20131/2111593>